UDC 902
LBC 63.4

Submitted: 05.05.2021
Accepted: 28.05.2021

A.Kh. PSHENICHNYUK AND FILIPPOVKA: 35 YEARS OF RESEARCH

Nikita S. Savelev

Ph.D. / Associate Professor, Leading Researcher / Department of Archaeological Research, Institute of History,
Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Science
Russian Federation, Ufa / E-mail: sns_1971@mail.ru / ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3643-2388>

Abstract. In 2021 we celebrate 35 years since the beginning of the study of the Filippovka-1 barrow burial ground located on the left bank of the Ural river in the Ilek district of the Orenburg oblast', Russian Federation. This burial ground – discovered in the 1980s – presents an example of an elite (“royal”) necropolis of the South Ural nomads dated to the middle of the 1st millennium BC. This paper discusses the main stages of scientific biography of A. Kh. Pshenichnyuk, who was the author of the first papers related to the study of the Filippovka barrows (in 1986-1990). It also presents the analysis of his research conducted in the forest-steppe area of the South Urals region and his works related to the identification and description of the Kara-Abyz archaeological culture. Pshenichnyuk's interest in studying archaeological monuments left by the steppe nomads began in 1968 and has been gradually developing since that time. In this view, his study of the Filippovka barrows appeared as a logical continuation of all previous works in the steppe area of the South Urals region. One part of the present paper tells the story of research carried out by A. Kh. Pshenichnyuk at the barrow №1 (a so-called Large Filippovka barrow or Large Mar), known by an extensive number of unique finds – objects of art and decorative elements, many of which were made of gold. In the mid-1990s most valuable of these Filippovka artefacts ended up in pawn in one of the private Moscow banks. The rescue of the treasures became possible because of the active actions of the scholar and with support from the government of the Republic of Bashkortostan. The finds were returned to Ufa and then sent for restoration to the State Hermitage Museum. After restoration, the collection of artefacts from the Filippovka barrows has been repeatedly presented during major exhibitions in different countries around the world. This paper also reviews the key points of the publications describing the results of archaeological excavations conducted at the Filippovka-1 barrow burial ground in 1986-1990 and of the summary monograph published by A. Kh. Pshenichnyuk in 2012. It is shown that a new stage in the study of the Filippovka barrows has recently begun, characterized by detailed interpretation of already obtained results and carrying out various natural-scientific analyses.

Key words: South Urals region, Scythian-Sarmatian time, Filippovka barrow burial ground, “royal” barrows, history of science

Citation. Savelev N., 2021. A.Kh. Pshenichnyuk and Filippovka: 35 years of research. *Ufmskij arkheologicheskij vestnik* [The Ufa Archaeological Herald]. 2021. Vol. 21, no.1, pp. 6-17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.001>

УДК 902
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 05.05.2021
Дата принятия статьи: 09.06.2021

А.Х. ПШЕНИЧНЮК И ФИЛИППОВКА: К 35-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ИССЛЕДОВАНИЙ

Никита Сергеевич Савельев

канд. ист. наук / доцент, ведущий научный сотрудник / Институт истории, языка и литературы,
Уфимский федеральный исследовательский центр РАН
Российская Федерация, г. Уфа / E-mail: sns_1971@mail.ru / <http://orcid.org/0000-0002-3643-2388>

Аннотация. В 2021 году исполняется 35 лет с начала исследования курганного могильника Филипповка-1, являющегося элитным некрополем кочевников Южного Урала середины I тыс. до н.э. В статье представлены основные вехи научной биографии А.Х. Пшеничнюка – автора первых исследований Филипповских курганов (1986-1990 гг.). Рассмотрен вопрос исследований кургана №1 (т.н. Большой Филипповский курган или Большой Мар) и нахождения в нем большого количества предметов искусства, в основном выполненных из золота, их транспортировки, хранения, экспонирования и т.д., а также подготовки публикации результатов этих раскопок.

Ключевые слова: Южный Урал, скифо-сарматское время, могильник Филипповка, «царские» курганы, история науки

Цитирование. Савельев Н.С., 2021. А.Х. Пшеничнюк и Филипповка: к 35-летию начала исследований // Уфимский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 6-17. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.001>

В 2021 году исполняется 35 лет с начала исследования А.Х.Пшеничнюком (рис. 1-3) Филипповских курганов на юге Оренбургской области, продолжавшихся 5 лет (1986-1990 гг.). За прошедшее время интерес к этому памятнику для специалистов только возрастал. В значительной мере состояние некой неопределенности разрешилось в 2012 году, когда вышла монографическая публикация всех исследованных А.Х.Пшеничнюком комплексов [Пшеничнюк, 2012].¹ Несомненно, что находки, сделанные в Филипповке, вошли в золотой фонд отечественной археологии и полное доисследование могильника, осуществленное в недавнее время экспедицией Института археологии РАН под руководством Л.Т.Яблонского [Яблонский, 2013], также давшее первоклассные результаты – наглядное тому подтверждение. Можно сказать, что первые исследования Филипповки, проводившиеся в очень драматическое для страны время, сами уже относятся к истории науки и заслуживают отдельного внимания (рис. 4-9). То же в полной мере, к большому сожалению, относится и к коллекции, уникальность которой не требует каких-либо подтверждений, и к самой книге, вышедшей через 22 года после завершения раскопок.

К началу исследований Филипповки А.Х.Пшеничнюк, которому в том году исполни-

лось 50 лет, продолжал как свои работы по лесостепной проблематике, так и на протяжении уже около 15 лет активно проводил раскопки курганов ранних кочевников в степях южной Башкирии и Оренбуржья.

Говоря о работах А.Х.Пшеничнюка по изучению населения лесостепи Южного Урала эпохи раннего железа, нужно понимать, что в этом направлении он фактически стал пионером (рис. 1). Именно ему удалось собрать воедино массу имевшихся к началу 1960-х гг. разрозненных данных, накапливавшихся уже более полувека [Гарустович, 2011. С. 12-13], развернуть очень масштабные раскопки поселенческих и погребальных памятников оседлого населения Центральной Башкирии [Иванова, 2006], и, в итоге, обосновать наличие самостоятельной кара-абызской культуры, возникшей на пост-ананьинской основе. Кандидатская диссертация по кара-абызской культуре была защищена им в МГУ в 1968 году, а монография – в качестве очень большой и развернутой статьи – была опубликована через 5 лет [Пшеничнюк, 1973]. Новизна представленной им концепции была таковой, что многие исследователи полностью или частично не восприняли идею сложения самостоятельной культуры на дальней юго-восточной периферии ананьинского мира, тесно связанной уже с миром кочевников Южного Урала.

Рис. 1. А.Х.Пшеничнюк и К.Ф.Смирнов на конференции в Уфе, 1969 год

Fig. 1. A. Pshenichnyuk and K. Smirnov at the conference, Ufa, 1969

¹ В основу настоящей статьи положено авторское введение к монографии А.Х.Пшеничнюка, посвященной раскопкам Филипповских курганов [Савельев, 2012].

Рис. 2. А.Х. Пшеничнюк на раскопках Охлебининского могильника, начало 1980-х гг.

Fig. 2. A. Pshenichnyuk at the excavations of the Okhlebenino burial ground, the beginning of the 1980s

Рис. 3. А.Х. Пшеничнюк на раскопках Охлебининского могильника, начало 1980-х гг.

Fig. 3. A. Pshenichnyuk at the excavations of the Okhlebenino burial ground, the beginning of the 1980s

Среди них – М.Г.Мошкова, не воспринявшая зауральское лесостепное происхождение гафурийского компонента, обоснованно связывая его с оседающими ранними кочевниками [Мошкова, 1974. С.50], а также Н.А.Мажитов, не принявший разделения пьяноборских и кара-бызских древностей на два различных массива – и отзвуки этих баталий продолжали встречаться по прошествии десятилетий [см. напр.: Мажитов, 2006. С.10-11]. Но, пожалуй, более всех не принял концепцию А.Х.Пшеничнюка другой, к тому времени уже очень известный советский исследователь – В.Ф.Генинг, посвятивший пересчет выкладок А.Х.Пшеничнюка значительную часть одной из своих теоретических монографий [Генинг, 1988. С.47-129]. Постепенно острые углы и неприятие оппонентов были сглажены, для части выводов появились более развернутые работы его учеников [см. напр.: Савельев, 2017], в целом же именно построения А.Х.Пшеничнюка уже более 50 лет являются фундаментом для лесостепной южноуральской археологии.

Именно решение загадок по лесостепным материалам привели А.Х.Пшеничнюка в степь. Требовалось найти ответ на вопрос о причинах и способах взаимодействия лесостепного населения кара-бызской культуры и кочевников-прохоровцев, тем более, что Бишунгаровские курганы находятся на расстоянии не более 15 км от Охлебининского и Шиповского могильников, т.е. в прямой видимости. И их исследования

были начаты А.Х.Пшеничнюком уже в 1966 г. [Савельев, 2007. С.15]. Здесь нужно сказать, что, как и в лесостепной проблематике, в изучении кочевников Южного Урала А.Х.Пшеничнюк также явился пионером. Пионером не Степного Приуралья, где ранее активно работали К.Ф.Смирнов и М.Г.Мошкова, а для узкой полосы предгорий в Зауралье и остепненных волнистых равнин к северу от Общего сырта в Приуралье. Единичные ранее известные на этих территориях памятники всего лишь свидетельствовали о том, что «сарматы здесь были». Уровень этих работ и состояние источниковой базы по ранним кочевникам на территории Башкирии достаточно хорошо охарактеризован в одной из статей В.А.Иванова [Иванов, Иванова, 2011]. Заслуга А.Х.Пшеничнюка в том, что именно он начал активное и систематическое изучение курганов ранних кочевников в южных районах Башкирии: в Приуралье – в 1968-1971 гг., а с 1972 г. – и в Зауралье. Только за 1972-1977 гг. им было исследовано почти 50% от известных на тот момент на территории Башкирии раннекочевнических комплексов [Иванов, Иванова, 2011. С.22]. Среди них такие известные памятники, как Альмухаметово, Булатово, Сагитово, Ивановка, Переволочан, Целинный, Темясово, Муракаево, Леканды, Бишунгарово и т.д. Но это только одна грань полевых исследований автора – параллельно с работой в степях, А.Х.Пшеничнюк продолжает активно работать и на лесостепных кара-бызских

Рис. 4. Филипповка. Раскопки кургана 1. На заднем плане – курган 4

Fig. 4. Filippovka. Excavations of the barrow № 1. On the background – the barrow № 4

памятниках, уходя в своих исследованиях и далее на север, до Низовьев Белой и Прикамья, где им исследуются ананьинские и пьяноборские могильники и городища [Савельев, 2007. С. 15-16].

Результаты раскопок в степной зоне были обобщены в монографии «Культура ранних кочевников Южного Урала», вышедшей в издательстве «Наука» [Пшеничнюк, 1983] и ряде статей. Проведенный недавно анализ основных положений этой монографии, выполненный Л.Т. Яблонским, показал, что все они и многие предположения, содержащиеся в ней, были подтверждены последующими работами [Яблонский, 2016]. «Отработав» эту задачу, в 1978-1982 гг. А.Х. Пшеничнюк снова переключился на раскопки в лесостепи (Табынское, Михайловское, Касьяновское городища, Шиповский и Охлебининский могильники, Курмантаевское селище), причем 1980-1982 гг. – это исключительно время раскопок Охлебининского могильника (рис. 2; 3). А с 1984 г. начинается новый этап его исследований – раскопки сарматских курганов уже в Оренбургской области; сначала это были Красноярские курганы, а с 1986 г. началась «Филипповская пятилетка».

Из других направлений деятельности А.Х. Пшеничнюка необходимо отметить его активное участие в разведочном обследовании территории Башкирии в 1966-1971 гг. и последующем создании «Археологической карты Башкирии» [Археологическая..., 1976; Савельев, 2018], создание во второй половине 1970-х во многом под его руководством академического Музея археологии и этнографии и, начиная с 1979 года, – руководство Сектором археологии Института

истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, во главе которого он был вплоть до 2005 г. (с 1981 г. – самостоятельный отдел). Стоит также сказать, что вплоть до 1985 года созданный музей значился как Музей археологии Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР [Петров, 2003. С. 136. Прим.], то есть полностью входил в ведение заведующего отделом.

Несмотря на полученные археологами к середине 1980-х гг. материалы по «скифо-сарматскому» времени, кочевнические памятники Южного Урала, как это справедливо всегда отмечал и сам А.Х. Пшеничнюк, по богатству значительно уступали одновременным памятникам Саяно-Алтая, Семиречья, Предкавказья и Причерноморья. Однако многие разрозненные находки, часть из которых была известна еще с начала XX века, прямо «кричали» о том, что если Южный Урал в V-IV вв. до н.э. и являлся периферией кочевого мира Евразийской степи, то являлся периферией сильно военизированной, с далеко зашедшим социальным расслоением и сильными связями с государствами Средней и Передней Азии. Имея уже негативный опыт раскопок больших курганов (А.Х. Пшеничнюк часто вспоминал раскопки полностью разграбленного кургана № 2 могильника Ивановка III диаметром 40 м и высотой 3,6 м, в котором был найден только один сломанный бронзовый наконечник стрелы [Пшеничнюк, 1983. С. 38. Рис. 10. Табл. XXVIII, 2, 7]), он, тем не менее, в надежде получить материалы, качественно отличающиеся от всех имеющихся, обратил свое внимание на известные еще с конца XIX века и неоднократно посещавшиеся

Рис. 5. Филипповка. Курган 1. Расчистка тайника 2

Fig. 5. Filippovka. Barrow №1. Discovery of the cache 2

Рис. 6. Филипповка. С.Н. Заседателева и С.Х. Долотказина с только что найденными скульптурами оленей

Fig. 6. Filippovka. S. Zasedateleva and S. Dolotkazina with just discovered sculptures of deer

археологами в советские годы Филипповские курганы [Мещеряков, 2008. С. 36-37]. Они являются одними из немногих в регионе, которые могут быть названы «царскими». Как точно отметил В.В. Овсянников про итоги издания монографии 1983 года, вероятно – опираясь на слова самого А.Х. Пшеничнюка: «Уже тогда исследователю стало ясно, что в одном большом кургане заложено столько же исторической информации, что и в 100 маленьких, если не больше» [Овсянников, 2007. С. 207].

Работы в Филипповке, к которым были привлечены значительные силы археологов и школьников Уфы, начались в 1986 году. Первые два года, за исключением отдельных ярких находок в курганах 3 и 7, ожидаемых результатов не принесли. Раскопки кургана № 1, за которым позднее закрепилось название «Большого Филипповского» (традиционное местное название – Большой Мар, но уже в 1988 году местное население переименовало его в «Золотой Мар» [Мещеряков, 2008. С. 38]), начались в 1987 году. Но поскольку землеройная техника была выделена только на очень короткое время, завершение работ было оставлено до будущего сезона.² В 1988 году велись исследования только этого кургана (рис. 4) и опять техника была дана на несколько дней, следствием чему – спешка и осознание необходимости сделать за это время весь нужный объем земляных

работ. При использовании скреперов и тяжелых бульдозеров за всем не уследишь и при снятии предматерикового слоя в центре подкурганной площадки была зацеплена и разрушена верхняя часть первого тайника. С этого момента все работы в районе могильной камеры велись только вручную, что позволило зафиксировать в нетронутом виде второй тайник и послойно его расчистить (рис. 5).

Наверное, именно здесь нужно сказать, что если бы не случилось этого золотого, то А.Х. Пшеничнюк тогда же оказался бы уволенным – землеройная техника работала на основании гарантийного письма ИИЯЛ и сумма оплаты была неизвестна. Сметчики мехколонны посчитали объем работ по кубатуре перемещенного грунта и ... выставили институту счет на 20000 рублей – примерно треть бюджета института на тот год. Директор (тогда – З.Г. Ураксин) сказал, что все понимает, но положение могут спасти только какие-то экстраординарные находки...

Обнаружение большого количества золотых изделий (рис. 5-6) сразу привело к нездоровому ажиотажу среди местного и, видимо, не совсем местного населения – охотие до легкой наживы стали посещать курган как ночью, освещая его автомобильными фарами и фонариками, так и днем, когда все уезжали на обед. Машины были разные, в том числе несколько раз видели и черную

Рис. 7. Филипповка. Котел с ручками в виде медведей принесен в лагерь экспедиции

Fig. 7. Filippovka. Caldron with zoomorphic handles in the form of bears, which was brought to the expedition camp

² Здесь и далее все данные о раскопках и факты о «путешествиях» коллекции и связанных с этим различных обстоятельствах приводятся на основании воспоминаний А.Х. Пшеничнюка, записанных мной при беседе с ним в 2011 году, когда готовилась к изданию монография по исследованиям Филипповских курганов.

Рис. 8. Филипповка. Ценные находки в ящике из-под чая перед отправкой в Оренбург

Fig. 8. Filippovka. Valuable finds in the tea box before the dispatch to Orenburg

«Волгу», что, вспоминая реалии тех лет, говорило отнюдь не о рядовом положении ее владельца. Интерес этот вполне понятен – заполнение неоднократно грабленной могильной камеры, имевшей объем около 500 кубометров, представляло собой перемес из кусков обугленного дерева, обломков костей и различных находок, в том числе и многочисленных мелких предметов из золота (бусины, гвоздики, обоймы и пр.).

Установленное на кургане дежурство решало проблему только отчасти – оставались еще находки из тайников, хранящиеся в лагере экспедиции, как и другие, не менее важные для науки находки (рис. 7). По словам А.Х. Пшеничникова, всю эту коллекцию (фигуры оленей, амфора, кубок, ритон, обкладки сосудов и пр.) они решили сдать на временное хранение в Оренбургский музей. Упаковали все ценные находки в большой фанерный ящик из-под чая (рис. 8) и повезли с Б.Ф. Железчиковым в Оренбург. «Разгар лета, жара, город пустой, ничего толком не работает...». Отдать на хранение находки в музей не удалось – там шел ремонт, поэтому Борис Федорович, бывший тогда партгором Волгоградского госуниверситета (рис. 9), предложил ехать напрямую к главе города. Последний, приняв и выслушав посетителей, договорился о хранении находок с директором банка. Сотрудники банка попросили А.Х. Пшеничникова и Б.Ф. Железчикова опечатать ящик нитками и бумагой (ящик при этом не открывался и сотрудники банка знали только, что в нем хранятся «археологические находки»), оценили его в 1 рубль и поставили в деньгохранилище.

Ящик хранился в оренбургском банке до приезда УАЗика с автобазы Башкирского филиала АН СССР – А.Х. Пшеничнюк сообщил

дирекции института о находках и попросил выслать машину для их транспортирования. К этому времени информация о золоте «уфимских археологов» уже облетела всю страну – короткий репортаж с места раскопок показали в программе «Время» (единственной в те годы ежедневной информационной программе на советском телевидении и смотрела ее вся или большая часть взрослого населения СССР) и несколько раз передавали по радио [Овсянников, 2007. С. 204–205]. Забирая ящик из банка, показали находки его служащим, которые долго не верили, что уникальные произведения искусства, о которых рассказывали по центральному телевидению, лежали у них в фанерном ящике из-под чая и были оценены в 1 рубль.

Доставив ящик в Уфу, на Аксакова (в доме № 7 по улице Аксакова находился академический Музей археологии и этнографии, существовавший тогда в составе отдела археологии ИИЯЛ БФАН СССР; в настоящее время это помещение используется как фондохранилище созданного на базе МАЭ Института этнологических исследований УФИЦ РАН), столкнулись с очередной проблемой – охрана в музее отсутствовала и оставлять там золото было просто опасно. В итоге коллекция была сдана (хотя этот термин здесь и не вполне корректен) в пробирную палату Башкирской АССР и там под каким-то столом в помещении, где работали люди, она хранилась более года. При этом коллекцию постоянно доставали – археологи приезжали для фотографирования, замеров, прорисовок и пр.

На дворе стоял уже 1990 год, страна жила в преддверии развала СССР, неудавшегося путча, первой – т.н. «Павловской», реформы цен и т.д. и т.п. Но внешне все еще было относительно

Рис. 9. Филипповка. Б.Ф. Железчиков и А.Х. Пшеничнюк во время приготовления обеда

Fig. 9. Filippovka. B. Zhelezchikov and A. Pshenichnyk making lunch

спокойно. В это время ИИЯЛ БФАН СССР заключает договор о реставрации филипповской коллекции с Всероссийским НИИ реставрации (ныне – ГосНИИР). Каких-либо денег еще не было, как и особой поддержки со стороны властей, поэтому нашли самый дешевый вариант отправки коллекции – железнодорожным транспортом. Все отправляемые предметы были упакованы в 5 снарядных ящиков, а поскольку стоимость перевозки в товарном вагоне составляла 1% общей стоимости груза, то каждый ящик был оценен в 150 рублей. Всего по квитанции было оплачено 7 рублей 50 копеек. Когда же А.Х. Пшеничнюк приехал в Москву, выяснилось, что в НИИ реставрации груз не поступал – на железнодорожной станции ящики по ошибке отправили в Центр Грабаря (тоже ведь реставраторы!). Поиски привели во двор реставрируемого храма в центре Москвы (по словам А.Х. Пшеничнюка – «стройплощадка больше похожая на проходной двор») – здесь в куче рядом со стройматериалами лежали все пять ящиков. К предъявленной железнодорожной квитанции у старшего на стройке вопросов не возникло и коллекция была доставлена в институт реставрации. Сотрудниками ГосНИИРа были отреставрированы серебряный кувшин, ритон с протомой быка и одна скульптура оленя, а также сделаны гальванокпии некоторых предметов, которые потом на протяжении долгого

времени и экспонировались в МАЭ. Этот сюжет, связанный с особенностями самого первого экспонирования детально описан И.Г. Петровым – одним из старожилов МАЭ, курировавшим именно музейную деятельность этой академической организации [Петров, 2020. С. 58-59]. Вскоре коллекция была возвращена в Уфу, где к этому времени в музее был сделан спецхран.

Как оказалось, вернулась коллекция ненадолго. Одна из столичных коммерческих структур – Межотраслевой концерн «Межторг» – предложила сделать шикарную выставку и на этом хорошо заработать. Руководство ИИЯЛ приняло это предложение – развал Союза к этому времени уже случился, шло стремительное обнищание населения, большинство организаций, в том числе и академические институты, оказались на очень скудном пайке. Был заключен договор и все самые яркие (как бы сказали сейчас – «экспозиционные») вещи, всего – 158 экз., были переданы по описи для подготовки выставки [Петров, 2020. С. 59-60]. Приехавшие представители этой фирмы ночевали в спальниках на полу в отделе археологии, но коллекция была отправлена в Москву на специально нанятом самолете. Итог – организация вскоре обанкротилась, а «золото Филипповки» было передано на хранение (или как залог – этого уже и не вспомнить) в один из крупных на то время частных столичных банков – «МАПО-банк». Время шло, сумма за услуги банка становилась все большей, а вероятность возврата коллекции – все меньшей.

В этой ситуации решающую роль сыграла активная позиция А.Х. Пшеничнюка и Р.Г. Кузеева – члена-корреспондента РАН, директора ставшего самостоятельным к тому времени МАЭ (официальное название на тот момент – «Отдел народов Урала с Музеем археологии и этнографии Уфимского научного центра РАН»). Результатом неоднократных обращений к руководству Башкортостана стало подписание в 1996 г. президентом РБ М.Г. Рахимовым специального Указа, которым Филипповская коллекция была объявлена «национальным достоянием многонационального народа республики» (Указ Президента Республики Башкортостан от 10 февраля 1996 г. «Об археологической коллекции сарматской эпохи»). Конечно, и это не являлось гарантией возвращения коллекции, по сути, это могло случиться только в результате доброй воли руководства частного банка.

Вооружившись описью предметов, переданных той самой обанкротившейся фирме, и указом президента РБ, А.Х. Пшеничнюк полетел в Москву вывозить коллекцию, хотя до самого последнего момента вообще какой-либо уверенности в возможности этого не было. На удивление (с высоты сегодняшнего дня понимаешь, что ничего особо удивительного в этом не было – и политический и иной вес М.Г. Рахимова в России середины 1990-х был очень высок) все прошло гладко – директор банка сказал, что «с Рахимовым

Рис. 10. А.Х. Пшеничнюк на раскопках курганного могильника Канакас, 2005 год

Fig. 10. A. Pshenichnyuk at the excavations of the Kanakas barrow burial ground, 2005

мы ругаться не хотим» и из депозитария вынесли коробки с филипповскими находками. Вскрытие коробок и передача вещей осуществлялась по той самой описи (можно только догадываться, что было бы, если бы опись была неполной или вообще отсутствовала...), принимали А.Х. Пшеничнюк, Дженин Дэвис-Кимболл, директор Центра исследований евразийских кочевников (Беркли, США), активно работавшая в то время в России, и ее муж. Из Уфы за коллекцией прислали инкассаторскую машину Банка России, старшим был А.Г. Шабалин – постоянный участник археологических экспедиций ИИЯЛ. По дороге в Уфу, на одной из ночных стоянок на трассе к машинам за «мздой» подошли вооруженные бандиты, но быстро ретировались, увидев еще более вооруженных инкассаторов...

Уже после этого Р.Г. Кузеев связался с Эрмитажем и началась подготовка к «мировому турне» Филипповки, история которого широко известна. А.Х. Пшеничнюк на следующий год после окончания раскопок Филипповки, в 1991 году, исследовал основную часть могильника Переволочан, раскопки которого были начаты им еще в середине 1970-х, на следующий год возобновил работы на Бишунгаровских курганах и далее участвовал в экспедициях только в качестве консультанта (рис. 10).

Сворачивание исследований Филипповских курганов после 1990 г. А.Х. Пшеничнюк всегда объяснял исключительно тем, что половина могильника, половина кургана №1 и второй «царский» курган (№4) должны остаться на будущее, когда археологическая методика

поднимется на более высокий уровень. Основной задачей для него стала подготовка публикации уже полученных материалов. Предметы пересчитывались (для такой большой коллекции это очень непростое дело), опробировались, описывались, фотографировались, составлялась их полная опись и пр. Основная часть вещей прорисовывалась Г.А. Бикмухаметовой (обкладки сосудов и прочие массовые вещи – по фотографиям), М.Н. Шалашовым делались рисунки индивидуальных вещей, им же на основе схем А.Х. Пшеничнюка делались реконструкции деревянных сосудов. Г.Р. Зарипова готовила планы курганов и погребений. В итоге к 1996 году рукопись монографии была готова. Но с этого момента началась подготовка коллекции к выставкам и экспозициям, что не позволило тогда завершить работу и опубликовать результаты исследований.

К настоящему времени филипповская коллекция в той или иной степени представлена в следующих каталогах:

1. Psjenitnjuk A. Kejsargraven från äldre sarmatisk tid i södra Ural // Skyter och sarmater från Don till Ural. Örebro, 1990. S. 35-42.

2. The Golden Deer of Eurasia: Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes. The State Hermitage, Saint Petersburg, and the Archaeological Museum, Ufa. The Metropolitan Museum of Art, New York, 2000.

3. Oro il mistero dei sarmati e degli sciti. Milano, 2001.

4. Золотые олени Евразии. СПб., 2001.

5. Золотые олени Евразии. Евразияның алтын боландары. СПб., 2002.

6. Золотые олени Евразии. СПб., 2003.

7. Пшеничнюк А.Х. Филипповские курганы / Музей археологии и этнографии: Каталог музейной экспозиции Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН. Уфа, 2007. С. 103-114.

8. Коллекции Филипповских курганов из фондов Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН. Уфа, 2018.

Так или иначе, но и в рамках «мирового турне» 2000-2003 гг. издание монографии не состоялось. Не состоялось и позже, хотя в Санкт-Петербурге был даже подготовлен черновой оригинал-макет. В 2008-2011 гг. А.Х. Пшеничнюком и автором этих строк была подготовлена новая расширенная рукопись, в основном увеличенная за счет приложений и дополнительных иллюстраций.

Так, часть оригиналов рисунков, существовавших в единственном экземпляре и подготовленных специально для издания, в Уфе отсутствовала, поэтому пришлось использовать только их не очень качественные копии. Для всех иллюстраций был применен унифицированный шаблон оформления, отсутствовавший в оригиналах 1996 года. Иллюстративная часть издания была расширена за счет включения дополнительных чертежей (разрезы,

планы, профили и пр.) из личного архива А.Х.Пшеничнюка, что потребовало их значительной обработки, а также ряда полевых фотографий (процесс раскопок, расчистки погребений, тайников, различная детализация и т.д.) и фотографий отдельных вещей, рисунки которых первоначально в рукописи отсутствовали. Также расширение иллюстративной части оказалось связано с включением в нее ряда очень важных рисунков, хранившихся в архиве автора и не использовавшихся им первоначально в рукописи по причине необходимости «экономии места». В основном это относится к реконструкциям деревянных сосудов с золотыми обкладками.

Для «башкирских археологов» (такая обезличенная формулировка часто встречалась в многочисленных околонуточных и массовых публикациях, посвященных первым раскопкам Филипповки), участвовавших в самих раскопках 1986-1990 гг., работавших или работающих в «ауре» Филипповки, очень сильной до сих пор, очевидно, что до полной публикации материалов еще очень

и очень далеко. Необходимы многочисленные естественно-научные анализы, доскональные прорисовки всего материала, развернутое описание находок и т.д. и т.п. Вышедшая в 2012 г. книга – и памятник памятнику, и памятник исследователю, без гигантского напряжения сил которого ничего бы и не было, и памятник достаточно большому коллективу специалистов, делавших в очень сложные и даже трагичные времена свою работу.

Важные дополнения по филипповским находкам, сделанные в последние полтора десятилетия большим международным коллективом под руководством М.Ю.Трейстера и Л.Т.Яблонского [Влияния..., 2012], а также каталог, коллективная монография и большое количество статей, опубликованных Л.Т.Яблонским и участниками доисследования этого уникального памятника [см. напр.: Естественно-научные..., 2011; Яблонский, 2013] имеют самостоятельное значение и отражают начало следующего этапа изучения и осмысления Филипповки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гарустович Г.Н. Время собирать камни... // Анатолий Харитонович Пшеничнюк. Творческий портрет к юбилею: Биобиблиография к 75-летию со дня рождения / Сост. Н.Н. Красноперова. Уфа: Деловая династия, 2011. С. 11-16.

Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э.). М.: Наука, 1988. 240 с.

Естественно-научные методы в изучении Филипповского I могильника: коллективная монография / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. М.: Таус, 2011. 192 с.

Иванов В.А. Анатолий Харитонович Пшеничнюк: стиль его работы // Уфимский археологический вестник. Вып. 16. 2016. С. 104-106. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2016.16.008>

Иванов В.А., Иванова Е.В. Становление археологии эпохи раннего железного века на Южном Урале (к 75-летию А.Х. Пшеничнюка) // Анатолий Харитонович Пшеничнюк. Творческий портрет к юбилею: Биобиблиография к 75-летию со дня рождения / Сост. Н.Н. Красноперова. Уфа: Деловая династия, 2011. С. 20-23.

Иванова Е.В. Начало изучения финно-угорской археологии в ИИЯЛ БФ АН СССР // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сборник статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 19-25.

Мажитов Н.А. Слово о юбиляре // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сборник статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 10-12.

Мещеряков Д.В. История изучения курганного могильника у п. Филипповка //

Сокровища сарматских вождей [Материалы раскопок Филипповских курганов] / Под ред. Л.Т. Яблонского. Оренбург: Печатный дом «Димур», 2008. С. 35-39.

Морозов Ю.А. К 70-летию со дня рождения Анатолия Харитоновича Пшеничнюка // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сборник статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 13-14.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. 52 с.

Овсянников В.В. История одного открытия // Башкортостан в XX столетии: Исторические портреты. Вып. 2 / Отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Уфа: Гилем, 2007. С. 204-209.

Петров И.Г. Музей археологии и этнографии Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН (исторический очерк) // Этнографическое обозрение. 2003. № 2. С. 136-150.

Петров И. Золотые олени Евразии в российских и зарубежных музеях // Ватандаш. 2020. № 7. С. 55-66.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. 5 / Под ред. Р.Г. Кузеева. Уфа: БФАН СССР, 1973. С. 35-131.

Пшеничнюк А.Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.

Савельев Н.С. Археологические экспедиции в Башкирии (по материалам коллекций, хранящихся в фондах Музея археологии и этнографии) // Музей археологии и этнографии: Каталог музейной экспозиции Центра этнологических исследований

Уфимского научного центра РАН / Отв. ред. А.Б. Юнусова. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2007. С. 15-16.

Савельев Н.С. Филипповка: судьба открытия – судьба коллекции – судьба книги (от редактора) // А.Х. Пшеничнюк. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с. С. 5-18.

Савельев Н.С. О происхождении убаларского культурного типа в лесостепи Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 17. 2017. С. 18-38. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2017.17.004>

Савельев Н.С. К истории создания «Археологической карты Башкирии» // Древние

и средневековые общества Евразии: перекресток культур. Междунар. науч. симп., посвящ. памяти видного ученого-археолога, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора исторических наук Н.А. Мажитова. г. Уфа, 6-7 декабря 2018 г. Сборник материалов. Уфа: Мир печати, 2018. С. 64-69.

Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка I (по материалам раскопок 2004-2009 гг.). Каталог коллекции. Книга 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.

Яблонский Л.Т. А.Х. Пшеничнюк о ранних кочевниках Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 16. 2016. С. 96-100. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2016.16.006>

REFERENCES

Garustovich, G.N. "A time to gather stones", *Anatolij Haritonovich Pshenichnyuk. Tvorcheskij portret k yubileyu: Biobibliografiya k 75-letiyu so dnya rozhdeniya* ("Anatoly Kharitonovich Pshenichnyuk. Original portrait to the anniversary: bio-bibliography to the 75th anniversary"). Ufa, 2011, pp. 11-16. (In Russ.)

Gening, V.F. 1988, "*Ethnic history of the Western Cis-Urals at the turn of our era (the Pyany Bor era, III century BC – II century AD)*". Nauka, Moscow, 240 p. (In Russ.)

Yablonsky L.T., Khokhlov O.S., & Meshalkina Y.L., Justus A.A., Khokhlov A.A., Goleva A.A., Anikeeva O.V., Zaikov V.V., Kotlyarov V.A., Zaikova V.A., Kachanova M.D., Ravich I.G., Zazovskaya E.P., Chichagova O.A., Gorshev A.V. 2011, "*Natural science methods in the study of the Philippovka I burial ground: a collective monograph*". Taus, Moscow, 192 p. (In Russ.)

Ivanov, V.A. 2016, "Anatoly Kharitonovich Pshenichnyuk: his style of work" // *Ufmskij arheologicheskij vestnik*, Ufa *Archaeological Bulletin*, vol. 16, pp. 104-106. doi: 10.31833/uav.2016.16.008 (In Russ.)

Ivanov, V.A., Ivanova, E.V. "Formation of the Early Iron Age archaeology in the South Urals region (to the 75th anniversary of Anatoly Kharitonovich Pshenichnyuk)", *Anatolij Haritonovich Pshenichnyuk. Tvorcheskij portret k yubileyu: Biobibliografiya k 75-letiyu so dnya rozhdeniya* ("Anatoly Kharitonovich Pshenichnyuk. Original portrait to the anniversary: bio-bibliography to the 75th anniversary"). Ufa, 2011, pp. 20-23. (In Russ.)

Ivanova, E.V. "The first stage of research on Finno-Ugric archaeology in the Institute of History, Language and Literature of the Bashkir branch of the Academy of Sciences of the USSR", *Yuhnyj Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya. Sbornik statej k 70-letiyu A.H. Pshenichnyuka* (The South Urals and the adjacent territories in the Scythian-Sarmatian times. A collection of papers to the 70th anniversary of Anatoly Kharitonovich Pshenichnyuk). Ufa, 2006, pp. 19-25. (In Russ.)

Mazhitov, N.A. "A speech about the birthday

man", *Yuhnyj Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya. Sbornik statej k 70-letiyu A.H. Pshenichnyuka* (The South Urals and the adjacent territories in the Scythian-Sarmatian times. A collection of papers to the 70th anniversary of Anatoly Kharitonovich Pshenichnyuk). Ufa, 2006, pp. 10-12. (In Russ.)

Meshcheryakov, D.V. "The history of study of the barrow burial ground near Filippovka settlement", *Sokrovishcha sarmatskih vozhdjev [Materialy ras-kopok Filippovskih kurganov]* ("Treasures of the Sarmatian chiefs (Materials from the excavations of the Filippovka burial grounds"). Orenburg, 2008, pp. 35-39. (In Russ.)

Morozov, Y.A. "To the 70th anniversary of Anatoly Kharitonovich Pshenichnyuk", *Yuhnyj Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya. Sbornik statej k 70-letiyu A.H. Pshenichnyuka* (The South Urals and the adjacent territories in the Scythian-Sarmatian times. A collection of papers to the 70th anniversary of Anatoly Kharitonovich Pshenichnyuk). Ufa, 2006, pp. 13-14. (In Russ.)

Moshkova, M.G. 1974, "*The origins of the early Sarmatian (Prokhorovka) culture*". Nauka, Moscow, 52 p. (In Russ.)

Ovsyannikov, V.V. "The history of one discovery", *Bashkortostan v XX stoletii: Istoricheskie portrety* ("Bashkortostan in the XX century: Historical portraits"). Ufa, 2007, pp. 204-209. (In Russ.)

Petrov, I.G. 2003, "Museum of Archaeology and Ethnography of the Center of ethnological studies of the Ufa Scientific Center of the RAS (historical essays)", *Etnograficheskoe obozreni*, no. 2, pp. 136-150. (In Russ.)

Petrov, I. 2020, "Golden deer of Eurasia in Russian and foreign museums", *Vatandash*, no. 7, pp. 55-66. (In Russ.)

Pshenichnyuk A.H. 1973, "The Kara-Abyz culture (populations of Central Bashkiria at the turn of the eras", *Arheologiya i etnografiya Bashkirii*, vol. 5, pp. 35-131. (In Russ.)

Pshenichnyuk, A.H. 2012, "*Filippovka. A necropolis of the nomadic elite in the South Urals dated*

to the IV century BC". IYal UNC RAN, Ufa, 280 p. (In Russ.)

Savelev, N.S. "Archaeological expeditions in Bashkiria (based on the collections from the holdings of the Museum of Archaeology and Ethnography)", *Muzej arheologii i etnografii: Katalog muzejnoj ekspozitsii Centra etnologicheskikh issledovanij Ufimskogo nauchnogo centra RAN* ("Museum of Archaeology and Ethnography: Museum exhibition catalogue of the Center of ethnological studies of the Ufa Scientific Center of the RAS"). Ufa, 2007, pp. 15-16. (In Russ.)

Savelev, N.S. "Filippovka: fate of the discovery – fate of the collection – fate of the book (from the editor)", A.H. Pshenichnyuk. *Filippovka: Nekropol' kochevoj znati IV veka do n.e. na Yuzhnom Urale* ("A.H. Pshenichnyuk. Filippovka: A necropolis of the nomadic elite in the South Urals dated to the IV century BC"). Ufa, 2012, pp. 5-18. (In Russ.)

Savelev, N.S. 2017, "On the origins of the Ub-alary cultural type in the forest-steppe of the Southern Cis-Urals", *Ufimskij arheologicheskij vestnik*, vol. 17, pp. 18-38. doi: 10.31833/uav.2017.17.004 (In Russ.)

Savelev N.S. "To the history of creation of

the "Archaeological map of Bashkiria", *Drevnie i srednevekove obshchestva Evrazii: perekrestok kul'tur. Mezhdunar. nauch. simp., posvyashch. pamyati vidnogo uchenogo-arheologa, professora, akademika Akademii nauk Respubliki Bashkortostan, doktora istoricheskikh nauk N.A. Mazhitova. g. Ufa, 6-7 dekabrya 2018 g. Sbornik materialov* ("Ancient and medieval societies of Eurasia: a crossroad of cultures. International scientific symposium in memory of a well-known archaeologist, full professor, academician of the Academy of Sciences of the republic of Bashkortostan, Dr. habil. N.A. Mazhitov, Ufa, 6-7 December 2018. A collection of materials"). Ufa, 2018, pp. 64-69. (In Russ.)

Yablonsky, L.T. 2013, "Gold of Sarmatian chieftains. The elite necropolis Filippovka I (based on the materials from excavations carried out in 2004-2009). Catalogue of the collection. Book 1". IA RAN, Moscow, 232 p. (In Russ.)

Yablonsky, L.T. 2016, "Pshenichnyuk A.H. about the early nomads of the Southern Cis-Urals", *Ufimskij arheologicheskij vestnik*, vol. 16, pp. 96-100. doi: 10.31833/uav.2016.16.006 (In Russ.)